

А. П. ЧЕХОВ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
СОВРЕМЕННИКОВ

СБОРНИК

Под редакцией
А. К. КОТОВА

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1 9 4 7

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЧЕХОВЕ

45 лет тому назад. По многочисленным материалам мы легко себе представляем Антона Павловича в семейном кругу, в домашней обстановке московской, меликовской или ялтинской, наконец хорошо знаем его литературное окружение. Но есть еще маленький, дружный коллектив, где Чехов часто и охотно бывал. И эта черточка из его биографии сравнительно слабо освещена.

Чтобы полнее воспринять изображаемый здесь эпизод, нужно перенестись в Москву 80-х годов. Постановка оперного дела тогда была довольно печальна.

За кулисами Большого театра царил бюрократизм, на сцене господствовала рутина, оперы ставились без всякого разбора, небрежно и спешно.

Оживление в этой области искусства началось только после организации «Частной русской оперы»¹.

Раньше центр тяжести лежал исключительно на инструментально-вокальных силах — слушатели обращали внимание только на голос и оркестр. Самая же постановка, так сказать, оформление спектакля стояли на втором плане.

И вот в Частной опере, впервые в России, были привлечены к участию в сценической постановке художники. Вместо шаблонных, грубо намалеванных, пышных, но безвкусных декораций перед глазами изумленных и очарованных зрителей засверкали чудесные полотна по изумительно интересным эскизам В. М. Васнецова², Поленова³, Врубеля⁴, Коровина⁵, Серова...⁶.

Здесь осуществилось гармоническое сочетание трех родов искусства — музыки, драмы (то есть вдумчивой игры) и живописи.

Открытие спектаклей Частной оперы состоялось 9 января 1885 г. Поставлена была «Русалка» (эскизы В. Васнецова), но к подготовке этого спектакля было приступлено значительно раньше. Еще с осени 1884 г. шли усиленные репетиции этой оперы, потом «Фауста» и «Виндзорских кумушек» (эскизы В. Д. Поленова).

Вместо банальных «оперных» костюмов (над чем так добродушно подсмеивался Станиславский, имевший к ним некоторое тяготение), мишурно красивых, театрально-маскарадных, но безлично-условных, появились стильные, выдержанные в духе времени одеяния; вместо хористов, специально наряженных для оперы, на подмостках задвигалась и зашумела подлинная толпа.

Словом, все было сделано, чтобы воскресить старину с ее своеобразием, чтобы со сцены веяло ароматом эпохи, чтобы глядел подлинный облик древней Руси или западноевропейского средневековья.

Подготовка велась с огромным увлечением и глубокой любовью к делу. Одним из таких уголков художественной работы являлась декорационная мастерская на 1-й Мещанской.

Во дворе довольно грязного дома какая-то мастерская была приспособлена для писания декораций. Мрачные, когда-то беленые стены, теперь разрисованы, как водится, усердием маляра или умелой рукой талантливого декоратора, не пожалевших ярких красок — ультрамарина, а то и бакана. Издали стены напоминали распущенный павлиний хвост, местами ошипанный, или кусок затейливой восточной ткани. (Сравни карикатуры в пушкинских черновых тетрадах.) Средняя стена обращена в арку, разделяющую помещение на две больших половины. Громадная русская печь в середине. Смеркается. Зажжены лампы с конусообразными абажурами; свет широкими пучками падает вниз, делая черным и без того закопченный потолок. Воздух спертый: пахнет клеем, льняными новыми холстами. Весь пол устлан только что сшитыми и загрунтованными занавесями декораций, написанных днем. Играют свежие краски причудливыми заливами, вышедшими из-под

кисти в процессе непосредственного творчества, которое еще не предстало перед глазами присяжного знатока — критика или рядового зрителя. Еще нет ни охлаждающих порицаний, ни увлекающих восторгов. Это один из лучших моментов жизни художника-декоратора — момент самовлюбленности, сменяющийся подчас неудовлетворением, исканием чего-то ярко наметившегося, но еще не достигнутого. Радость и страдание рядом...

Единственный пункт наблюдения над результатом работы — самая высокая точка в мастерской — это печка, доминирующая над всем. Снизу она ярко освещена, верх же ее теряется в таинственных полутонах. К ней приставлена стремянка, на самой печи подстилкой служат свободные холсты. Что может быть приятнее после тяжелой, напряженной работы, в ожидании просушки холстов, лежать, сидеть, отдыхать и глядеть сверху, уже целиком воспринимаемая оживающие формы и краски, по чутью только угадываемые внизу, вблизи, во время процесса работы, и намечать дальнейшее разрешение задачи?

Вечер. Уже десять часов. Исаак Ильич Левитан⁷, Николай Павлович Чехов⁸ и я — счастливые обитатели этой печи. Константин Коровин тоже писал здесь, но у него с Левитаном было художественное соревнование, поэтому он работал отдельно. Ноги гудят от усталости. Надо передохнуть, чтобы с новой энергией писать всю ночь, так как назавтра генеральная репетиция.

Маяр Москвичев, успевший хлебнуть лишнее, тоже покоится в холстах, у подножия этой печи.

Тишина... Вот хлопнула входная дверь с ее скрипучим припевом. Кто бы мог зайти в такой поздний час? Если «сам» патрон, Савва Иванович Мамонтов⁹, — тогда было бы шумнее, так как с хозяином непременно явились бы его постоянные спутники и ассистенты. Ну, значит, обычный наш посетитель, появляющийся за-просто, как только выберет свободный вечерок. Знакомые шаги, знакомое приветствие, хорошо знакомая фигура с милым, улыбающимся лицом.

Сразу повысилось настроение, мы рады дорогому гостю. Вошедший раздевается, мы глядим сверху на стройный силуэт в скромной серой пиджачной паре и дружелюбно приглашаем:

— Лезьте, лезьте, Антон Павлович, к нам на печь!.. Здесь тепло, уютно, да чай с колбасой еще вдобавок.

Любили мы приход «Чехонте»¹⁰, который неизменно вносил с собой жизнерадостную струйку здорового веселья.

Мягкий в обращении, трогательно-деликатный, неистощимый на шутки, чуткий к красоте — Чехов давно и крепко завоевал наши симпатии. Он приветствовал всех одинаково ласково, начиная с Москвичева, который конфузливо прятался в холстах. Со своим братом он держал себя так, что казалось, будто уже виделся с ним в этот день. Влезал по стремянке наверх, разглядывал декорации, охотно принимал участие в обмене мнений, высказывая меткие и очень основательные замечания, не живописца-профессионала, а просто художника по натуре. Но вскоре он сосредоточивал на себе общее внимание собственными рассказами, по большей части импровизациями, полными заразительного юмора, насыщенными огромной наблюдательностью и выраженными в форме необыкновенно образной. Бывало, слушаешь его низковатый голос, великолепно передающий всевозможные интонации и буквально помираешь со смеху, а сам рассказчик спокоен, серьезен, и с едва заметной улыбкой в уголках рта посматривает на своих дружно, залиvisto смеющихся собеседников.

Обыкновенно Антон Павлович потешал нас художественными миниатюрами (так ему свойственными в ту пору творчества), взятыми из жизни крестьян, духовенства и уездной полиции.

Вот его любимый рассказ, к которому он иногда присоединял звуковые вариации.

Утро в поле, сыроватое от утреннего тумана. Вревшая в полосу овса, стоит телега. Деревенская лошаденка, ленно пощипывающая колосья, вытертым хвостом отмахивается от назойливых оводов. Вожжи-веревки давно уже свесились и запутались в колесах.

На телеге в соломе спят три фигуры: худенький полпик с козлиной бородкой, в раске, стянутой шитым широким поясом.

Лежит он в цепких объятиях дьяка с косичкой, в длинном синем полукафтанье. Ноги обоих сильно прижаты грузным туловищем отца дьякона с всклокоченной

копной рыжей гривы, которая обильно утыкана соломенной кострикой. В селе (если память не изменяет) Пыряеве, у старосты справляли храмовой праздник; что же удивительного, что после усиленного возлияния и хороших проводов с посошками, вся компания полегла мертвецки, в надежде на сивку, которая — не впервые — довезла бы их до дому, если бы не встретилось по дороге соблазнительное угощение — спелый овес.

Солнышко давно уже вышло из-за леса; припекая, первым разбудило батюшку, носившего одно из редко встречающихся имен. Рука его хотела сотворить крестное знамение, но неудержимо одолела икота, чередуясь с привычным возгласом — «во имя отца и...». Дьячок, спавший с открытым беззубым ртом, несколько раз старался высвободить свою руку из-под батюшки (жест А. П-ча); пробудившись окончательно, старик кое-как, с трудом получил некоторую свободу действий. «Пре... пресв... богородица...» — бормотал он, так и не докончив начатой молитвы, пока не заворочался отец дьякон да спросонья так хватил «Яко до царя всех подыдем!», что испуганная лошаденка шарахнулась в сторону, свалив телегу набок. Все трое очутились на земле, среди помятых колосьев; с недоумением озирались некоторое время, потом медленно стали оправляться.

Рассказ кончен как бы многоточием. По всей вероятности, это — сценка с натуры, из наблюдений его в период летнего пребывания в окрестностях Москвы.

Антон Павлович приправлял свое повествование такими звукоподражаниями, паузами, мимикой, насыщал черточками такой острой наблюдательности, что все мы надрывались от смеха, хохотали до колик, а Левитан (наиболее экспансивный) катался на животе и дрыгал ногами. Конечно, здесь главную роль играло мастерство передачи автора, не скупившегося на такие подробности, которые с трудом можно восстановить.

А наш полупьяный маляр тоже принимал участие в общем увлечении и, боязно приподымаясь по стремянке, вырастал, как привидение. Если бы посмотреть на него с полу, то можно бы руками развести от удивления, так как он, увлекшись поклонением Бахусу, пропил все свое нижнее снаряжение и ходил в жениной шерстяной юбке.

«Дела давно минувших дней...» — когда вспоминаешь

этот и другие, несколько видоизмененные рассказы Чехова, понимаешь, что подобные темы были не беспочвенным зубоскальством, а своего рода протестом против отрицательных явлений нашей невеселой русской действительности. Любопытно сравнить эти чеховские сюжеты с картинами Перова " (1882) «Проповедь в селе», «Сельский крестный ход на пасхе», «Чаепитие в Мытищах», «В трапезной» и особенно характерную картину и даже почти тождественного содержания — «После праздника» (клячонка, своротившая с дороги в овсы, в телеге подвыпившие служители церкви).

Подобные темы затрагивались и «передвижниками». Значит, Антон Павлович был не одинок в разработке сатирического жанра, взятого из этого уголка русской жизни. Однако живописные полотна появлялись на выставках, а миниатюры Чехонте никогда не появлялись в печати, так как их не пропустила бы тогдашняя цензура, не только в подлинном их виде, но и в данной, значительно смягченной передаче. Повидимому, они и предназначались для тесного, интимного кружка.

Воспоминания художника, декоратора МХАТ — Виктора Андреевича Симова (1858—1935) печатаются впервые по рукописи, хранящейся в музее Московского Художественного театра. В музее МХАТ хранятся другие воспоминания В. А. Симова о Чехове, записанные с его слов П. А. Стефановским. (Эти воспоминания относятся к концу 90-х и началу 900-х гг.) Приводим некоторые из этих записей:

«Осенью, 9 сентября 1898 г. Антон Павлович приезжал знакомиться с театром. Здесь, на репетиции, я его увидел. За 15 лет он превратился из весельчака Чехонте в крупного, серьезного писателя, из безбородого юнца в зрелого мужчину. Встретясь, как со старым знакомым, я напомнил ему далекие времена «Будильника», потом упомянул о милых вечерах в декоративной мастерской, куда он заглядывал, навещая брата-художника... Через пенсне на меня глянул прежний Чехонте, и показалось, будто сейчас готовится сверкнуть блеск юмора. Воспоминания о мастерской, об условиях нашего богемского житья-бытья были ему, видимо, приятны. Свою книжку рассказов («Мужики» и «Моя жизнь» изд. А. С. Суворина, 6-е) подарил он мне на память об этой именно поре. Надпись немногословная, сдержанная, в духе взрослого, с улыбкой оглядывающегося на далекое прошлое:

«Виктору Андреевичу Симову на добрую память о том, что было 15 лет назад, от автора. А. Чехов. 99 29/1 Ялта».

«...Очень странно получилось для меня: — лебединой песней Чехова обыкновенно называют «Вишневый сад», а мы считали,

с театральной точки зрения, таким элегическим финалом именно «Иванова». Траурным флером после кончины писателя окутала наша последняя постановка чеховского цикла. Иногда, в горячке стремительного хода работ, чувство горестной утраты вдруг опустится на дно привычных интересов, и ловишь тогда себя на мысли: «Как воспримет автор наше разрешение данного сценического момента?» — и сразу же колючей болью отзовется воспоминание похорон. Июль... двухверстная лента процессии погребальной, тишина строгая и печальная, последний долг — быть может, почудился бы слабый звук лопнувшей струны, а затем напоследок стук комьев о крышку гроба.

Вместо ямы — свежий бугорок земли Новодевичьего кладбища в тесноте соседних могил. Лебединая песня... больше чеховских новинок нам ставить уже не придется...

...Чувство большой грусти вплеталось в каждый мазок, и вся декорация сада, которую я тогда компановал, наметилась мне с иным, более заостренным колоритом: усадьба Иванова точно осиротела еще до трагической гибели ее владельца. Дал свободный выход личному настроению, и влажный вечер, поблескивание росистых листьев при лунном свете послужили для меня выражением оплакивания невознаградимой потери. В подсознании скреблась неотвязная боль: а ведь больше не появится ни одной строки, написанной пером Антона Павловича, и моей кисти не найдется уж нового материала. «Иванов» — лебединая песня. Горькое сожаление прильнуло к каждому дереву, застряло в его сучьях, свисало с его листьев. Я попробовал капли росы изобразить подвешенными к декорации блестящими хрусталиками. Это был мой маленький секрет, мой индивидуальный отклик как художника-декоратора.

Двадцать лет знакомства. Есть что вспомнить. Воспоминания не вянут, как цветы; напротив, по мере удаления еще ярче и живее разгораются».

¹ Частная русская опера основана С. И. Мамонтовым 9 января 1885 года.

² Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926).

³ Полецов Василий Дмитриевич (1844—1927).

⁴ Врубель Михаил Александрович (1856—1910).

⁵ Коровин Константин Андреевич (1861—1939).

⁶ Серов Валентин Александрович (1865—1911).

⁷ Левитан Исаак Ильич (1861—1900).

⁸ Чехов Николай Павлович (1858—1889), художник, брат писателя.

⁹ *Мамонтов Савва Иванович* (1842—1918), купец-промышленник, покровительствовал новым художественным течениям 80—90-х годов.

¹⁰ *Чехонте*, один из псевдонимов раннего А. П. Чехова.

¹¹ *Перов Василий Григорьевич* (1833—1882), художник-жанрист.